

ИМИТАЦИЯ

Рассказ

Односторонняя сделка создаёт обязанности для лица, совершившего сделку. Она может создавать обязанности для других лиц лишь в случаях, установленных законом либо соглашением с этими лицами.

Гражданский кодекс РФ, ст. 155

На пятидневные курсы по повышению квалификации в части корпоративного права, проводимые в Москве с 16 по 21 сентября (21 – день отъезда, без программы) от Российского центра права (РЦП), из всего департамента поехал именно я – по ряду обстоятельств.

Первое обстоятельство из заявленных заключалось в моих карьерных притязаниях, о которых всем было известно. По общему правилу, при отсутствии иных кандидатур юрисконсульт первой категории мог претендовать на место заместителя начальника юридического департамента корпорации. Проблема в том, что я не был юрисконсультом первой категории, хотя и имел соответствующие стаж и уровень образования. Параграф 7 Положения о категориях должностей предусматривал, что для повышения категории до первой сотруднику следовало иметь сертификат о прохождении любого специализированного семинара по праву или о прохождении курсов повышения квалификации – одним словом, формализм.

Второе обстоятельство заключалось в том, что согласно пункту 6.8 Правил трудового распорядка нашей компании все сотрудники, в том числе закреплённые за юридическим департаментом, обязаны были ежегодно проходить обучение. В противном случае (и это уже на основании пункта 7.3 трудового договора) все надбавки к окладной части понижались на определённый коэффициент, установленный Положением об оплате труда (надо конкретный пункт? Я помню).

Было и третье обстоятельство, несколько более туманное и не имевшее нормативного закрепления. Суть его была в том, что я, если угодно, не ходячий кодекс, а человек, хотя кому-то может показаться иначе. А человеку

свойственны слабости – да-да, и такому, который не слил ни одного дела в суде, тоже. Заселение в гостиничный комплекс за счёт компании, бары, новые знакомства – это всегда приятно. И я надеялся, бары помогут сделать мои мысли менее, что ли, упорядоченными.

Знаете, когда-то, задолго до наступления возраста Христа (я не верю, но так его называют, этот возраст), я считал себя музыкантом. Или поэтом. Или... уж и не знаю кем. Точно кем-то с весьма сомнительным правовым статусом. Я сносно бряцал на гитаре и пытался сочинять музыку к своим же литературным потугам. Успел дать парочку концертов. Точнее, квартирников.

Женился. Обзавёлся окончательным семейным статусом в виде ребёнка на иждивении (не-не, дочь я люблю, но юридическим языком... сами понимаете). Для творчества места в жизни не осталось. Пришлось с головой окунуться в работу, хотя раньше я мог позволить себе некоторые послабления, не доходящие, разумеется, до признаков, которыми закон определяет понятие прогула.

Кодексы, статьи, их части, абзацы, пункты, подпункты, разъяснения высших судов, многочисленные материалы судебной практики, иски, претензии, жалобы, отводы, решения, определения, локальные акты и т.д и т.п. – кажется, вся эта стройная, строго выверенная кутерьма перекроила мне мозги.

И я перестал знать, как пишется то и это. На календаре первые дни сентября, на улице почти лето, ночами включают фонари, а две кошки, живущие в подвале, орут под фонарями – как это описать? Как *показать*, что вот они, фонари, что они важны и почти звёзды? Фонари вы мои, фонари? Как написать о себе и о других? Как отделаться от тошнотворного «супруги обязаны строить свои отношения в семье на основе...» и подумать о, простите, любви? А была когда-то любовь.

Да.

А тридцать три – такой хитрый возраст. Юности хочется. Нет (б..., даже здесь в интонацию не попал!). *В юность* хочется. В юности странное словечко «любовь» что-то значило и было безмерным и огромным. Конечно, всего-то смесь гормонов и восторженности, но всё же...

Заезжали утром шестнадцатого сентября, в Москве стояла жара, в помещениях было душно и липко. Дезодорант не спасал. Несмотря на всю элитность гостиничного комплекса, размещали нашу толпу в пятьдесят человек довольно долго – пришлось два часа жевать конфетки в зоне чилаута.

В двухместном номере с отдельными кроватями соседом мне достался скучный хлипенький студент очередного столичного юрфака – эти юрфаки в последнее время появлялись, как грибы после дождя, в каждом ВУЗе и в любой шарашкиной конторке от образования.

Занесло этого студентика на семинар по протекции отца – кажется, он был единственным участником, которому до практикующего юриста предстояло ещё учиться года два. Отец, владелец крупного бизнеса, решил к получению диплома предоставить сыну должность главы юридического отдела в своем филиале, а для этого следовало обрасти десятком-другим бумажек о дополнительном образовании.

Выскачок, папенькиных сынков и всех этих «мальчиков-мажоров», как в песне пелось (правда, давно уж они пересели с папиных Волг в собственные мерсы), я не терплю, потому студента все последующие дни старательно игнорировал.

Занятия проходили в лектории РЦП, который, в общем, ничем не отличался от аудиторий времён моего студенчества. Вообще-то корпоративное право само по себе – скука смертная даже для меня. Все эти права миноритариев, их извечные притеснения и ограничения, сытые мажоритарии, решения общих собраний участников (акционеров) и мытарства их отмены, ликвидация непубличных акционерных обществ, право на информацию и прочая структурированная неразбериха, которой нас пичкали пять дней – отравы для мозга. Жвачка, которую никак не удаётся дожевать, потому что создатель и не предполагал, что её будут дожевывать до конца. Но всегда можно выплюнуть жвачку и предаться ностальгии по студенчеству – говорят, лучшее время!

И, наверное, правильно говорят.

Когда я учился этак на курсе втором, у девчонок в моде были джинсы с чудовищно низкой посадкой, так что в аудитории я всегда садился позади всех и наблюдал отчаянные попытки однокурсниц хоть как-то скрыть свои полуголые ягодички. Помню,

однажды передо мной, через ряд, села Юлька, а эти пресловутые джинсы сползли у неё больше чем наполовину. Я, смиренный юридический мальчик, передал ей записку, подтяни, мол. Юлька глянула на меня мельком, улыбнулась, спрятала розовые стринги под ткань вместо того, чтобы натянуть джинсы выше, и осталась практически голая сзади. И кинула мне записочку в ответ: наслаждайся, дурачок.

В первый день занятий инстинктивно я опять занял последний ряд и просидел там в одиночестве. Мода сменилась, да и возраст и статус участниц не предполагали непринужденного выбора одежды, несмотря на жару.

Лектор был, что называется, молодой и энергичный – их тех, кто младше меня, но сумел доподлизываться до доктора юридических наук. Счастливые исключения в череде унылых стариков! И пока исключение вещало с кафедры о тех самых правах миноритариев, одну девушку в аудитории я всё-таки заметил.

Обычная вроде бы девушка, тонкая со спины, но какая-то живая вся – о, если человек *живой* со спины, это ведь о многом говорит. То плечами поведет, играя складками белой блузы, то длинные чернющие волосы назад отбросит – красиво так, изящным поворотом головы.

И корпоративное право померкло, и мой интерес к карьере уступил место желанию рассмотреть её лицо.

Да не крикнешь же «Эй, обернись», правильно.

А может, по старинке? В юность – так с головой! Я сдуру вырвал листочек из выданной мне при заселении записной книжки (их всем выдавали), принялся сочинять записку. Да что писать? Вы такая красивая? Обернись, прекрасная незнакомка? Пошлость пошлостью погоняет – в чеховском смысле (о как, я ещё помню, что пытался стать то ли поэтом, то ли музыкантом!). Ладони вспотели, два клочка бумаги я уже смял и спрятал в карман брюк. Итог был: «пошли вечером в бар» – вроде и непринуждённо, и ни к чему не обязывает.

Девушка обернулась, я помахал рукой. Глаза у неё оказались тоже чёрные и глубокие, лицо было приятным, в общем, я обрадовался. Ответ не заставил себя ждать: «Мы вечером собираемся в холле. Приходите. Я Анна». Я, в свою очередь, в письменной форме подтвердил согласие и сообщил своё имя – Павел.

Собрались после всех лекций в десять вечера в холле третьего этажа – это была чилаут-зона, такая же, как на всех четырех этажах гостиничного комплекса, с креслами для отдыха, столиками и возможностью заказать выпивку. Были я, Анна (как выяснилось, Алексеевна и корпоративный юрист одной крупной фирмы), полноватая Катя с большой грудью, консультант задрипанной ОООшки, невзрачный и невразумительный Миша, юрисконсульт второй категории, мечтающий, как и я, получить первую, дико красивая девушка по имени Лена, за весь вечер не проронившая ни слова, и какой-то толстенный весельчак, имени которого я не запомнил.

Миша что-то нудел, никто его почти не слушал и только Катя спорила.

– ...до пленума ведь таких дел вообще не было, – Миша, ко всем своим грехам, ещё и говорил тихо: – А сейчас требования удовлетворяются так часто, что...

– Ты про неразумность?

– Да! Да. И получается, к неразумности приравнивают обычный коммерческий риск, и директор как бы несет все негативные...

– Да потому что юридическое лицо вообще с чего начиналось? С ограниченной ответственности учредителей, это основа ос...

– А вот в моём понимании ответственность директоров – семечки по сравнению с субсидиаркой...

– Ой, б.., какие вы душные, ребят, – огорчился безмянный весельчак. – Вот у нас случай был...

– А пойдёте курить.

– Можно и здесь, – предложила опьяневшая Аня.

– Да ливанёт же, ты чего, – весельчак указал на датчик дымоуловителя.

– Да и пусть трезвонит! – Аня глупо засмеялась.

– Там водяная система, на ресепшене же говорили.

– Ой... не сработает!

– Да с х.ра ли?

– Везде не работает, а тут польёт, как же...

Аня вытащила тонкую длинную сигарету, подожгла её, наклонившись вперед, и успела сделать пару затяжек, после чего мы все убедились в правоте весельчака.

С потолка нас облило водой, кто-то взвизгнул, все ломанулись из холла в коридор между номерами. Забегала администрация, стали звонить в пожарку, отменять автоматический вызов... штраф в итоге повесили на бедного Мишу, а он от

природной занудности даже не успел объяснить, что не виноват. Ну, мы потом, конечно, все скинулись.

Анечка в промокшей блузке заняла все мои мысли, хотя звонить домой по скайпу я не забывал. Жена говорила, что ждёт меня, и я радовался. Дочка трёх лет весело рассказывала, что они с мамой идут «мокий белё авесивать» и что ее «вовэвый какох аздавила панаягыка». Детско-русский словарь утверждает, что вовэвый – это розовый, какох – это, внезапно, цветок, а панаягыка – пожарная машина и никак иначе.

Вечером второго дня мы собрались в холле прежней компанией. В полночь к нам выскочил ещё один участник курсов с возгласом:

– ... вашу мать, час ночи!

Пока мы объясняли ему, что у него сбились часы и всего двенадцать, он принял решение затусить с нами. Любопытно, что этот блюститель порядка горланил больше всех.

Когда молчаливая Лена ушла к себе, сославшись на головную боль (и это были единственные слова, которые мне довелось от неё услышать), Аня вдруг выдала:

– Лена красивая, да? – и почему-то ко мне: – Паш, как, по-вашему, красивая Лена?

– Ой, Анна Алексеевна, – я проглотил одну ешку, пародируя романсы. – Вам честно?

– Ну хотелось бы, конечно.

– Вы красивая.

Аня смутилась, но почти сразу расплылась в улыбке и сказала:

– Паш, а спойте нам, вы же вроде музыкант!

– Без гитары не пою.

– Один момент! – крикнул весельчак, умчался куда-то и через две минуты уже протягивал мне за гриф самую обычную и самым же обычным образом расстроенную гитару.

Я заиграл первое, что вспомнил, и затянул, глядя Анне прямо в глаза:

То ли музыка устала

протекать в моей крови

То ли сердце перестало

жить в иллюзиях любви

Я ищу душевной муки,

я пишу слова и звуки

Только песню не обманешь

имитацией любви...

Поначалу я хрипел, но связки быстро вспомнили старое, и голос зазвучал в полную силу. Увы, остальные куплеты вспомнить не удалось.

– Ой... что-то я аж прям.., – Аня рассмеялась.

– Грустная песенка, – сказала Катя.

– Зато романтика, ё... – весельчак пьянел и от опьянения матерился.

– Курить? – спросила Аня только меня и направилась к выходу.

Ночь была прохладная, мы стояли на крыльце, смотрели на огни автомобилей, выстроившихся в пробку, несмотря на поздний час. Но дорога была далеко, шум от неё нам не мешал.

– Павел, – строго сказала Аня. – Я не поняла. Говоря по-простому – вы ко мне клеитесь?

– Есть немного...

– Паш, я же замужем. У меня сыну пять лет...

– О, у меня дочке три. Ну, почти три, через месяц исполнится. Анна Алексевна, я же... ну как тебе объяснить... как в песне. Имитация, Ань, – я улыбнулся.

– Имитация чего?

– Любви. Понарошку. Ну хочется мне заново испытать ту эмоцию, когда в десятом классе в англичанку влюбился, а к ней ни подойти, ничего нельзя. Ну дайте вас тихо полюбить, вам жалко, что ли? – я говорил полусхрипав и прерывал свою речь смешками – наверное, они звучали нелепо.

– А семья?

– Устаёшь, Ань. Сама-то не замоталась в края? Мы же с тобой взрослые люди, у меня ребенок, у тебя вон муж и сын. Я жену люблю. Но – люблю. А влюбиться – это совсем другое, понимаешь? А ну, кабы я двадцатилетнюю девочку выбрал вместо тебя? А ей страдать. Нееет. Так что, Анна Алексевна, – давайте поиграем в любовь, а?

– О боже, – она опять засмеялась. – Да от меня-то что нужно такому прямолинейному кавалеру?

– Пустяки: принимать цветочки, и чтоб это тешило ваше самолюбие.

– О, такого у меня навалом, самолюбия-то! Давайте цветочки, милый Павел.

– Анечка, переходя на знакомую нам с вами терминологию, мы только заключили договор, наша сторона не готова сразу приступить к выполнению обязательств.

– Вот как. Любить хотите, а сами без цветочков... ох и воздыхатели нынче пошли...

Я бросился к живой изгороди, украшавшей входную группу, выломал

какую-то чудовищную ветку с куста и протянул ей.

– А не приму, Пашенька. Я дама капризная, непостоянная – не повезло вам с объектом обожания.

И она ушла. А я так и не понял, договорились мы или нет.

Но на другой день всё равно поймал Аню в перерыве между лекцией о субсидиарной ответственности и практикумом по контролю корпорации со стороны мажоритариев, и вручил-таки ей огромный букет разноцветных роз.

– Подарите жене, Паш.

– Ха. Я дарю, – я выдержал небольшую паузу. – Знаете специфику дарения цветов жене? Все в курсе, какие. А упаковочную бумагу ты не выбрасываешь, а аккуратно складываешь, чтобы рисовать на ней с ребёнком. Я не скажу, что это плохо, но это не то... понимаешь?

– Специфика, как ты сказал, дарения цветов жене в том, что их не дарят.

– Ну, значит, и вы не прочь поиграть, Анна Алексевна.

Аня молча забрала цветы.

Уже вечером она потащила меня гулять по парку, недалеко от гостиницы. Был тёплый вечер, и было тихо, и Аня прижималась ко мне.

– И как же играть в вашу игру, Павел?

– Кажется, именно сейчас мы этим и занимаемся.

– Ну, а о чём разговаривают влюблённые?

– Ох, знал бы я!

Куча песка, оставленная рабочими после ремонта парковой дорожки, заставила меня вспомнить кое-что из кино:

– Классики советуют говорить про песок. Я не люблю песок, он грубый, жёсткий, проникает везде, – я расхохотался, полагая, что шутка удачна.

– Откуда этот бред? – Аня скривилась.

– А «Звёздные войны» не ваш конёк, да?

– Ну, милый Павел, с такими примерами для подражания недолго вам быть в кавалерах.

На выходе из парка я купил ей безделушку-брелочек – на память.

Я надеялся, что, если притвориться влюблённым, – вспомнишь музыку. И как пишется то и это. Но фонари оставались бессмысленными, а я оставался глух к себе. Актеру не обязательно глубоко вникать в роль, чтобы хорошо выглядеть на сцене.

Накануне отъезда собирались вместе, большой прежней компанией. Весельчак напомнил, как его зовут, да я опять забыл.

Скучный Миша ужался в хлам, и мы таскали его дышать на улицу, а потом – в номер, где он трупом провалялся почти сутки, пропустил автобус, опоздал и был вынужден оплачивать лишний день из своих кровных.

С Аней мы обнялись в аэропорту и разлетелись. Я на Урал, она на Север. Такая получилась игра – лёгкая и неправдоподобная, мы даже не целовались. Семейные же люди, хотелось и в юность, но и чтобы всё было честно.

Дочь была мне ужасно рада, рассказывала, что видела «гибилет» (кабриолет) и – грустно – что «бошала каптька села в нос, а муха нет». Бошала – это у нас большая, а каптька – почему-то бабочка. Видимо, детское горе было в том, что большая бабочка соизволила сесть дочке на нос, а какое-то другое насекомое не изъявило такого желания. Я говорю «какое-то», потому что муха – это у нас любое насекомое, кроме бабочки и «божелевой каовки» (уж тут догадаетесь, добрые люди).

Вроде и жена была рада, но сдержанно.

Получил я свою заветную первую категорию, и вдруг меня накрыло – я понял, что Аня-то мне действительно *нравится*. А, в общем, ведь иначе я бы ее и не выбрал. Вот же...

Маялся целую неделю и решил на видеозвонок.

На экране Аня с неприбранными волосами, но накрашенными ресницами выгоняла из комнаты сына и кричала мужу, оставшемуся за кадром, что это «по делам с того семинара, помнишь!». Раздался звук захлопывающейся двери, и Аня спросила, зачем. Зачем я позвонил-то. Я проямлил что-то, но она резко перебила:

– Паш. Мы договорились поиграть. Не надо лезть в мою семейную жизнь. Побудьте не только кавалером, но и джентльменом.

– Джентльмен – устаревшее слово, – попытался я пошутить.

– Паш, я серьезно. Поиграли и хватит.

И Аня отключилась. Как там в песне пелось?

Я услышал ледяное: «не валяйте дурака».

Но все по-настоящему влюбленные дурака валяют. А точнее, все они идиоты (или все *мы?*), о чём я как-то позабыл. Я вроде бы заперся в своем кабинете, сделанном из теплой лоджии, но оказалось, что не заперся, и всю сцену с интересом наблюдала моя жена, стоя в дверях так, чтобы не попасть в объектив веб-камеры.

И она ушла – ушла для «подумать», но мне чудилось, будто ушла совсем. Дочка протестовала, но жена была непреклонна и наобещала ей развлечений с три короба, лишь бы спокойно уехать.

Был вечер, зернистые сумерки падали сверху, вытесняя красную полосочку солнца. Я открыл окно, я курил и наблюдал. Как такси увозит мою семью в туман осени, как треклятые кошки, обустроившие ночлег в нашем подвале, выскочили одна за другой на улицу и заорали протяжным и противным мяо.

Фонари загорелись, и были они как ненастоящие звёзды, слишком тусклые и слабые, не способные противостоять ночи всерьёз. Выброшенный в окно окурок летел к земле тлеющим огоньком, а потом погас и исчез. Окна в доме напротив заливались светом, светили и гасли. Вот уж и фонари отключили, и землю тёмной плитой накрыло беззвёздное небо... а я всё смотрел, смотрел, смотрел в окно, коченея от чересчур холодной для начала октября ночи.

Через два дня я откровенно просрал почти выигрышное дело. Впервые в своей карьере. Компании – убытки, мне – увольнение. И я не находил себе места, я выл на луну и под гитару, напивался в слюни, пластался у всех порогов на свете и думал, что хочу умереть.

Так звучит блюз, детка, так звучит долбаный блюз.